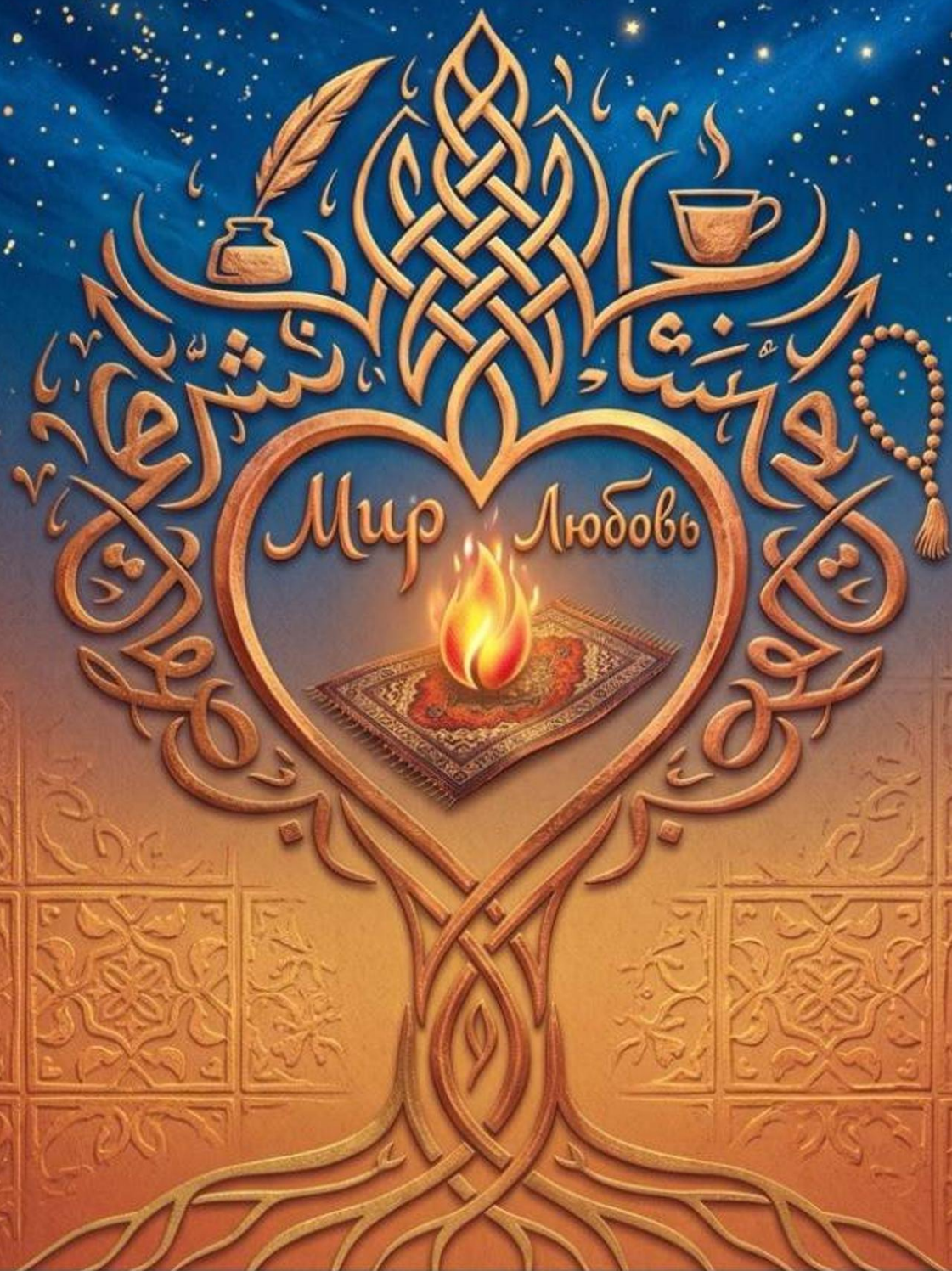

Карима Сорокоумова

Очаг

18+

Карима Сорокоумова

Очаг

«Автор»

2026

Сорокоумова К.

Очаг / К. Сорокоумова — «Автор», 2026

История о поиске душевного покоя, исцелении и тихом семейном счастье. Главный герой Ридван пережил глубокую утрату, оставившую рану в его сердце. Встреча с Сальсабиль — чуткой и мудрой девушкой — становится для него источником новой надежды и тепла. Это рассказ о том, как из искренней заботы, взаимной поддержки, веры и простых бытовых радостей шаг за шагом строится настоящий домашний рай — очаг, способный согреть даже самую израненную душу. Повесть о втором шансе, который Всевышний дарует тем, кто умеет проявлять терпение и смирение.

© Сорокоумова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Карима Сорокоумова

Очаг

* * *

Ридван

Джаннет была из тех девушек, которых трудно не заметить. И хотя главным достоинством в ней для меня была религия, скажи я, что меня не зацепила её яркая красота, это было бы чистой воды лукавством.

Воспитанная в соблюдающей семье и притом откровенно красивая, она сразу казалась прекрасным выбором.

В ней было только одно свойство, которое осложняло нашу совместную жизнь — её невероятная подвижность. Она была в движении всегда. В процессе знакомства она честно призналась: «Я не могу без общения и не умею сидеть без дела». И я пообещал принять эту её черту.

Но в жизни это оказалось сложнее, чем в моей голове. Мы действительно были очень разные.

Мама говорила, я всегда был спокойный ребёнок, — таких ещё поискать.

А Джаннет... Она постоянно была «на связи», «на дежурстве», с кем-то что-то обсуждая, и я быстро перестал интересоваться, кто и зачем звонит, потому что упомянуть сотни имён её сестёр по вере и хотя бы базовую информацию о них было выше моих сил. Она фонтанировала идеями и постоянно что-то где-то с кем-то организовывала — полезное, большей частью исламское. Она была из тех, кто реально не может усидеть на месте, и находилась в каких-то процессах даже за едой — могла жевать и в перерывах записывать голосовые и отвечать кому-то в чат.

А ещё она могла в два часа ночи отправиться на кухню делать какие-нибудь странные синие кексы, «потому не спится».

Словно маятник, она продолжала бодро двигаться по квартире, что-то обрывисто рассказывая и строча кому-то в телефоне, даже вечерами, когда, приходя с работы, я, усталый, мечтал о тишине и о том, чтобы жена просто посидела рядом.

Её не изменила беременность, наступившая через пару месяцев после свадьбы. Её не изменило рождение ребёнка. Она продолжала быть вечным двигателем даже с младенцем на руках, и я понимал: она просто не умела по-другому.

Нашей дочке Энже уже исполнилось два месяца, а мне казалось порой, что я толком не знаю собственную жену — наша совместная жизнь была сумбурной, и у нас до сих пор ни разу не получалось даже просто сесть и спокойно поговорить по душам.

Но я не терял надежды однажды-таки это сделать.

Я не знал, что этой надежде не суждено было сбыться.

В тот вечер она сказала, что ей нужно «высочить на полчаса» забрать что-то у одной из бесчисленных подруг.

Я остался с Энже — держал её, уснувшую, на руках, сидя в кресле, и читал Коран, пользуясь тишиной.

Но через полчаса Джаннет не вернулась. И через час тоже. Энже проснулась и заплакала, ища материнскую грудь. Я набрал Джаннет. Ответа не было. А через некоторое время мне позвонили и сказали, что моя жена в морге, потому что её насмерть сбила машина.

Тот вечер навсегда врезался в мою память. Я до сих пор помнил, как с кричащим ребёнком на руках позвонил в дверь к соседке — пожилой мусульманке, которая и сдавала нам однокомнатную квартиру, в которой мы жили, — и сказал ей, что Джаннет больше нет. Сказал

прежде, чем до конца осознал сам, что говорю. Она закрыла рот рукой и воскликнула: «СубханаЛлах!»

Я же не чувствовал ничего, кроме странного оцепенения.

Я спросил её, сможет ли она побыть с ребёнком, и когда она ответила: «Конечно», хотел уйти, но она остановила меня словами: «Побудь с ней пять минут, в аптеку добегу, смесь возьму, она же голодная». Я остался ждать соседку, меряя шагами чужую квартиру и качая ребенка, который то ли из-за голода, то ли как-то чувствуя произошедшую трагедию, не хотел успокаиваться: едва замолкнув, тут же заходился в крике.

Женщина вернулась с пакетом, приготовила смесь. Минуты казались мне часами.

В голове у меня не укладывалось. Джаннет какие-то три часа назад сновала туда-сюда по квартире, попутно жалуясь, что надо бы сбросить несколько набранных за беременность килограммов, смеялась, качая Энже и одновременно с кем-то о чём-то договариваясь... Как она может быть сейчас в морге?

Я поехал. И только когда мне показали тело, я наконец осознал: я больше не услышу её громкий смех. Её голос. Не увижу это её постоянное движение. По крайней мере, в этой жизни.

Я позвонил её отцу, и только услышав, как он заплакал на том конце провода, наконец почувствовал, что тоже плачу.

* * *

Следующие четыре месяца прошли как в тумане. Я ходил на работу, потому что у меня как раз шёл испытательный срок и отпуск мне никто бы не дал. Соседка сидела с Энже днём.

Она отказалась от денег — я и так платил ей за квартиру. Но со временем, мучимый совестью, я договорился, что буду доплачивать за сидение с ребёнком и за то, чтобы она готовила что-то пару раз в неделю. После работы я забирал дочь домой, и мне было не до стряпни.

У Энже были колики. У неё резались зубы. Она плохо спала ночами. Но я чувствовал какую-то неодолимую потребность забирать её домой хотя бы на ночь. В противном случае чувство вины за то, что я совсем отдал дочь в чужие руки, будто в детдом, грызло бы меня изнутри.

Только когда хронический недосып и усталость брали верх, я-таки сдавался и оставлял ребёнка на ночь у соседки, сваливаясь потом на ближайшую поверхность и засыпая без задних ног во всей одежде.

Ночь за ночью, резко вырванный из сна, я, пошатываясь и с трудом соображая, что к чему, шёл на кухню с плачущим ребёнком на руках. Я грел воду, отмерял смесь мерной ложкой и замечал порой, как дрожит рука от этого бесконечного бессонного марафона...

Мне пришлось многому научиться...

Иной раз вечером, когда Энже благополучно спала, я обводил взглядом пустую квартиру и, слушая тишину, думал с горькой иронией о том, как часто жаждал такой вот тишины из-за «громкого» характера Джаннет.

Теперь у меня была тишина. Порой гробовая. Но она не казалась желанной. Не приносила отдохновения. А как будто напоминала о том, что, кроме плачущей иногда Энже, её некому больше нарушать.

В какой-то момент мне стало казаться, что хрупкий баланс найден. Я «вывозил» работу, чтобы обеспечивать себя и дочь, нашёл способ позаботиться о ней, теперь уже семимесячной... Но однажды система дала сбой.

Соседка сказала, что у неё родился внук и она поедет к дочери нянчиться. Сначала мне захотелось тяжело вздохнуть, потому что перспектива искать няню озадачивала. Но соседка же и подсказала выход:

— Есть хороший мусульманский детский садик, маленький, частный. Далеко отсюда, но там рядом квартиру нетрудно найти — окраина, район спальный...

Я нашёл квартиру — даже «двушку», которую сдавали по цене однокомнатной.

В новый дом я не взял ничего из вещей Джаннет. Отец её позвонил мне много недель назад и сказал, что таково было её желание: чтобы все её вещи ушли в качестве милостыни, чтобы от неё «ничего не осталось». Я не знал, хотел ли оставить что-нибудь. Теперь, когда её не стало, я не видел смысла в этих вещах. Я сделал так, как она хотела: её отец подъехал и помог мне собрать всё в коробки и увезти в благотворительный фонд.

Дома я невольно подумал о том, что теперь у меня остались от Джаннет только воспоминания, фото на телефоне и наша дочь.

Ездить на работу из этого района оказалось даже удобнее. И я записал Энже в садик.

Место действительно оказалось замечательное — приятные исламские декорации, игрушки, книжки, детская мебель. От этой тёплой, уютной атмосферы у меня будто камень с души упал. Пожилая воспитательница выдала мне анкету. Дочь была совсем маленькой, но в ясельную группу её, к счастью, приняли.

Я сделал искреннее дуа, чтобы моя дочь здесь попала в хорошие руки и всё у нас было хорошо.

* * *

Сальсабиль

Известие о гибели Джаннет под колесами случайного автомобиля было для меня как гром среди ясного неба.

Хотя мы были двоюродными сёстрами и долгое время жили на разных концах одного города, наши пути разошлись, когда мне было пятнадцать, а ей семнадцать. Её мама, долго страдавшая сердечной недостаточностью, умерла, и она с отцом уехала в столицу поступать в университет.

Я помнила наш последний день вместе за три недели до её отъезда: я была у них в гостях...

Джаннет была невероятно красива — светлой, яркой, зеленоглазой красотой. Такой, за которой встают в очередь миллионеры. Я завидовала ей белой завистью. Дети двух родных сестёр, мы были совершенно разные внешне. В отличие от Джаннет, мне досталась более «восточная», чернявая внешность без какого-либо намёка на молочно-белую кожу и огромные глаза. И в противоположность ей мне явно не грозили никакие формы: уделом обещала быть эта малопривлекательная, как мне думалось, хрупкость при небольшом росте — такая, которая делает тебя похожей на ребёнка в любом возрасте.

Мне всегда казалось, что в плане внешности ей дано всё... Да, в религии, в приобретении знаний, у меня получалось лучше. Видимо, каждому своё.

Мы были полными противоположностями и по характеру — я тихой, она громкой. И при этом мы очень любили друг друга.

— СубханаЛлах, вот как ты можешь так спокойно сидеть? Я б с ума сошла...

Я молча улыбалась в ответ, думая про себя о том, что если бы я жила в таком ритме и движении, как она, то бы не выдержала и неделю.

В тот день я делала шоколадный торт с вишней у них дома, и её мама, которая тогда ещё была жива, покачала головой:

— Я, не заходя, могу сказать, кто на кухне был...

И она была права: когда там была Джаннет, там всё делалось с невероятной быстротой, гремели кастрюли, хлопали дверцы, что-нибудь падало, звенело, сыпалось. Когда там была я,

все процессы происходили почти бесшумно. Как говорила моя мама, еда «там просто появлялась».

Мы обе были младшими, последними детьми, это роднило нас ещё больше. У Джаннет было два брата намного старше её — сама Джаннет у родителей «получилась» неожиданно — её матери к тому времени уже запретили рожать по состоянию здоровья. У меня были две давно замужние сестры, жившие по заграницам: у одной муж был бизнесмен, у второй писал докторскую диссертацию в арабской стране. И меня родители решили завести «на старости лет».

Джаннет, неисправимый экстраверт, любила университетскую «движуху».

Там же, в универе, она встретила свою судьбу. Я помнила, как она позвонила мне и сказала, что выходит замуж.

— Рада, что ты нашла своё, — искренне сказала я тогда.

— Он религиозный, симпатичный, спортивный. Только характеры у нас разные, — посетовала она. — Он такой спокойный, а я... ну ты ж знаешь, какая я заводная... Ну ничего, или я стану спокойной, или он научится быть беспокойным, или ещё как-нибудь приспособимся.

Я сделала за неё дуа и мысленно пожелала удачи «спокойному парню», подозревая, что приспособиться к «вечному двигателю» в лице Джаннет будет не так просто.

Я не смогла приехать на свадьбу: как раз в это время я лежала в больнице с воспалением лёгких.

У Джаннет идеи плескались через край, и порой она говорила что-нибудь необычное — все давно к этому привыкли. В тот день она, мечтательно поглядев в окно, сказала:

— Я тут знаешь что подумала? Если мне суждено рано умереть, я бы хотела, чтобы все мои вещи стали садакой. Все, до последней мелочи... Представляешь, сколько мне награды будет?..

Вспомнив тот разговор уже после её гибели, я написала отцу Джаннет об этом её желании, тем самым исполняя её последнюю волю.

* * *

Я всегда любила детей. Нянчила их. Играла с ними. Таскала на руках. И, кажется, давно уже прочно ассоциировалась у всех с младенцами и дошколятами. Я тянулась к маленьким, а они — ко мне. Мне было странно, непривычно, когда у меня на руках, на коленях или хотя бы где-то возле меня не было детей.

Именно поэтому я ушла после девятого в педагогический колледж — потому что не мыслила себя в другом занятии, кроме работы с детьми. Мне так хотелось заботиться о них, помогать им, учить их. Ясли, детсад, работа няни — это было на сто процентов моё. Я не сомневалась никогда. Это было занятие, которое делало меня счастливой, то, чему я готова была посвятить свою жизнь. Это было «моё всё»: у меня в жизни почти не находилось других увлечений — разве что каллиграфия, которой я занималась уже лет десять.

И сейчас после колледжа я лелеяла большие планы — приехать в Москву, работать в исламском детском садике. И даже нашла уже двух соблюдающих студенток, чтобы снимать вместе маленькую квартирку.

В мои планы изначально входило «заново познакомиться» с Джаннет после почти пяти лет разлуки — я думала, что, возможно, смогу и подсобить ей с недавно родившимся ребёнком, если вдруг ей понадобится помощь...

Все мои планы осуществились, кроме этого последнего.

Город был большим и интересным — я бывала здесь раньше всего пару раз, и мне предстояло ещё столько всего увидеть и посетить. Я потихоньку начала составлять план своего «освоения местности» и посещения достопримечательностей.

Садик тоже оказался замечательным. С недавно защищённым дипломом колледжа я сразу с головой погрузилась в работу, познакомившись с детками и откровенно наслаждаясь привычным и любимым занятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.